

DOI: 10.17803/2542-2472.2025.33.1.087-093

СИМВОЛЫ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСПАНИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Калинина Елена Юрьевна,

профессор кафедры теории права и гражданско-правового образования
Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена,
доктор юридических наук, доцент
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48
bellaflor@mail.ru

© Калинина Е. Ю., 2025

Аннотация. В статье представлены методологические основания для изучения политической средневековой символики в контексте исследования правосознания. Для этого автор прежде всего признает субъективность самих политических ритуалов и текстов (в широком смысле), в которых они репрезентованы, а также восприятия исследователя. Это дает возможность выявлять иррациональные и аффективные стороны символики как способа мышления и познания политико-правовой действительности в процессе трансляции ценностей и смыслов. Автор ставит цель, используя инструменты, предоставляемые герменевтикой, имагологией, семиотикой и другими методами, составляющими культурально-антропологический подход в юриспруденции, выявить особенности средневекового правосознания в процессе как репрезентации королевской власти в процессе политической коммуникации, так и ее восприятия разными социальными группами. Эти процессы изучаются в рамках средневековой Испании с учетом того, что с IX по XV в. происходят значимые изменения, связанные с эволюцией ранней средневековой государственности и права и их трансформацией в типологическую политико-правовую модель государства и права современного типа. Это позволяет проследить в развитии символики королевской власти разнообразные цивилизационные влияния, которые стали основой для формирования государственно-правовой системы Испании: римские, византийские, арабские, европейские. Каждая из указанных цивилизационных моделей существенно меняла трактовку этих символов, вносила нечто новое. В этом смысле показано, что символы королевской власти в Испании визуально совпадали с символами власти в других европейских странах (корона, трон, скипетр и т.п.), но их содержание могло значительно отличаться, формируя соответствующую национальную идентичность.

Ключевые слова: символ; идентичность; королевская власть; средневековая Европа; Испания; герменевтика; семиотика; имагология; культурально-антропологический подход.

SYMBOLS OF ROYAL POWER IN MEDIEVAL SPAIN AS A TOOL OF POLITICAL IDENTIFICATION

Elena Yu. Kalinina,

Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Theory of Law and Civil Law Education, Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russian Federation
bellaflor@mail.ru

Abstract. *The paper is devoted to describing methodological foundations for studying medieval political symbolism in the context of researching legal consciousness. To achieve this purpose, the author acknowledges the subjectivity of political rituals and texts (in a broader sense) where they are represented and the subjectivity of the researcher's perception. This leads to the identification of irrational and affective aspects of symbolism as a way of thinking and understanding political and legal reality in the process of transmitting values and meanings. The author aims, using tools provided by hermeneutics, imagology, semiotics, and other methods that constitute the cultural-anthropological approach in jurisprudence, to identify the features of medieval legal consciousness in both the representation of royal power in political communication and its perception by different social groups. The author examines the processes under consideration within the framework of medieval Spain, taking into account that from the 9th to the 15th centuries, significant changes occurred with regard to the evolution of early medieval statehood and law and their transformation into the typological political and legal model of the modern state and law. This makes it possible to identify in the development of royal power symbolism diverse civilizational influences that became the basis for the formation of Spain's state and law system, namely, Roman, Byzantine, Arab, and European. Each of these civilizational models significantly altered the interpretation of the symbols, introducing something new. In this sense, the author justifies that the symbols of royal power in Spain visually were the same as the symbols of power in other European countries (crown, throne, scepter, etc.), but their content could differ significantly, shaping the corresponding national identity.*

Keywords: *symbol, identity, royal power, Medieval Europe, Spain, hermeneutics, semiotics, imagology, cultural-anthropological approach*

В связи с развитием новых методологических подходов в историко-правовой науке исследователи стали обращать внимание на те аспекты государственной власти, которые ранее оставались в тени. В рамках традиционных подходов хорошо изучены объективные институциональные стороны институтов, связанных с реализацией публичной власти и даже инструменты ее репрезентации. Вопрос символизма власти — особенно в историко-правовой науке — довольно сложный в связи с отсутствием методологического инструментария, обеспечивающего единство интерпретации и ее рационализм и однозначность. Вместе с тем вопреки основополагающим требованиям науки, именно субъективизм и множественность интерпретаций — наиболее интересный фактор для тщательного и вдумчивого изучения. Мы не сможем полностью познать реальность, но ознакомимся с тем, как она преломлялась в сознании современников изучаемых событий, тем самым создадим фундамент для более глубокого анализа сущности правосознания в разных его формах (обыденного как наиболее мифологизированного, официального и профессионального как рационализированного, но представляющего собой образ реальности, значительно удаленный от объективного отражения в целях эффективной репрезентации власти).

Целью настоящего исследования является выявление и трактовка ряда символов, связанных с репрезентацией королевской власти в средневековой Испании. Важно оговориться, что в разные периоды времени как авторы и заказчики, так

и получатели сообщений, передаваемых посредством изображений как текстов, могли сами не знать или частично забыть, что означали те или иные символы. Как утверждают два наиболее значимых исследователя в области политической символики, И. А. Исаев¹ и М. А. Бойцов², ключевым аспектом политической коммуникации является восприятие, которое обладает рядом особенностей. Оно всегда неполное, необъективное, в значительной мере нерациональное, обусловленное множеством факторов, которые практически невозможно учесть даже в рамках междисциплинарного исследования. Еще П. Рикёр указывал на то, что в символе скрываются два взаимосвязанных смысла, которые понимаются один через другой, один прямой, первичный, часто буквальный, а другой — косвенный, вторичный, означающий совсем не то, что кажется с первого взгляда³. Проблемой для исследователя является то, что таких вторичных смыслов может быть великое множество, и они могут противоречить друг другу.

Средневековье в Испании — это динамичный период в области развития сверхкрупных социальных систем, таких как государство и право. С IX по XV в. происходит становление и развитие раннего средневекового государства и права, после чего наступает эпоха государства и права современного типа. В первом периоде выделяется точки XII–XIII в, когда происходит становление публичной власти и нормативного права, что означает безвозвратный переход к современному государству и праву, несмотря на ряд откатов. Эта схематичная периодизация будет демонстрировать особенности развития образа королевской власти, приобретающей характер публичной (монархической). Очевидно, что в каждый из указанных периодов будет меняться послание, которое заложено в образы, адресованные представителям разных социальных групп. Те, в свою очередь, по-разному будут воспринимать транслируемые им смыслы и ценности.

Король в Средневековье был ограничен в возможностях широкой коммуникации с населением. Поэтому ему постоянно приходилось создавать и реализовывать ритуалы, напоминающие о своем присутствии в жизни общин, причем это присутствие должно было стать основополагающим. Символы представляли собой идентификационные инструменты, прежде всего означающие короля, создающие его образ в социальной памяти, когда самого короля нет. Это могло касаться как конкретного короля, так и короля вообще как символа публичной власти. Этот образ не обязательно должен быть наделен какими-то конкретными личностными чертами, быть узнаваемым как человек. Именно поэтому портретное сходство в средневековом искусстве — совершенно не обязательный атрибут. Важно было то, что существует человек, персонифицирующий функцию власти.

Но если мы говорим о представителях элиты, которые не просто постоянно присутствовали при дворе и хорошо знали короля в лицо, были его соратниками и даже влияли на его появление в политической жизни (призвание, выборы) и исчезновение (политическое убийство, изгнание, захват власти), то в этом случае использовались иные ритуалы, призванные скреплять личную связь короля и его подданных.

В том и другом случае символы, которые сопровождали ритуалы и фиксировались в изображениях, переходили от символов власти до символов государства, в которых образы короля становились образами формирующихся монархий (публичной власти — государства), воплощая в себе абстрактные конструкции. При этом символы в правосознании не только «означали», но и «были» тем, что означали, то есть не только идеально представляли, но и придавали реальное присутствие изображаемому⁴, что способствовало формированию правосознания на всех уровнях. В связи

¹ Исаев И. А. Господство : Очерки политической философии. М. : Норма, 2008.

² Бойцов М. А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М. : Российская политическая энциклопедия (Росспэн), 2009.

³ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М. : Академический проект, 2008.

⁴ Fernández De Córdova Miralles Á. Los símbolos del poder real // En Bartolomé, Alberto y Hernando, Carlos José. Los Reyes Católicos y Granada. Granada : Sociedad Estatal de Conmemoraciones Culturales, 2005. P. 37–58.

с этим символы власти нередко становились более реальными, чем конкретные политические фигуры и действия. Так произошел переход от индивидуальной власти конкретного лица к абстрактной публичной власти, персонифицированной в том или ином конкретном человеке, который служил функцией. Поэтому всё более значимыми становились такие отдельно взятые символы, как корона, скипетр, держава, плащ (мантия), меч, трон и т.п.

Э. Канторович показал, что корона как символ королевской власти имеет два аспекта: «некий видимый, материальный, внешний золотой обруч или диадема, что передается Государю и украшает его в ходе коронации; но существует также и невидимая, нематериальная Корона — заключающая в себе все королевские права и привилегии, необходимые для управления политическим телом; она вечна и передается либо непосредственно Богом, либо в соответствии с династическим правом наследования»⁵. О. И. Тогоева пишет о передаче короны как о божественном даре⁶. В том или ином виде символика короны в Испании совпадает с общеевропейскими представлениями. Корона как символ земного и божественного владычества была одним из главных атрибутов королевской власти, который приобретает значение совершенства. С одной стороны, она символизирует божественный свет, что выражается через украшение ее драгоценными камнями и размещением внутри религиозных реликвий. С другой стороны, корона у вестготских королей была вдохновлена вполне земными мотивами — римско-византийской моделью. Любопытно, что во второй половине XI в. использование короны в Кастилии прекратилось, поскольку оно стало признаком делегированной папством власти, но при этом некоторые правители выражали имперские притязания, что потребовало восстановления визуальных регалий, таких как корона. Корона в иберийских королевствах служила деперсонализирующим символом, который выражал преемственность и превосходство королевской власти над всеми остальными властями: изображение короны в ряде ритуалов могло заменять самого короля как личность, возложение короны при коронации или снятие при отречении. Наследный принц мог обладать этим знаком отличия, но не носить его, поскольку корона принадлежит только королям (в лучшем случае в ряде торжественных церемоний принцы могли носить корону в руках, но не на голове).

Скипетр происходил от жезла императора, который римские полководцы демонстрировали во время своих триумфов. В Средние века скипетр символизировал политический образ короля как вождя и судьи своего народа (символ правосудия). В целом скипетр на Пиренейском полуострове играл гораздо менее заметную роль, чем в других европейских королевствах. Скипетр могли использовать нижестоящие представители власти (в том числе судьи, поскольку, как было сказано, это символ правосудия), а также священнослужители. На одном из изображений Католических королей Изабелла изображена со скипетром, а Фердинанд с мечом, что некоторые исследователи трактуют следующим образом: королева олицетворяет власть законодательства и правосудия, а король — карательную юстицию и руководство военными операциями⁷.

В Испании встречается держава: символ, выражающий осуществление королем власти над его владениями и означающий, что он представлял наместника Бога на земле. Важным символом власти можно считать трон, демонстрирующий возвышение и обособленность короля от других подданных. Мусульманское завоевание повлияло на последующее его пышное убранство. Поэтому неудивительно, что Альфонсо VI после завоевания Толедо (1085 г.) предпочел сидеть на троне, который покинул мусульманский принц. До этого испанские короли сидели на простом кресле

⁵ Канторович Э. Х. Два тела короля: исследование по средневековой политической теологии. М. : Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 309.

⁶ Тогоева О. Корона как небесный дар. Жанна, Дофин и Ангел // На языке даров: правила символической коммуникации в Европе. 1000–1700 гг. / отв. ред. Г. Альтхоф и М. А. Бойцов. М. : Политическая энциклопедия, 2016. С. 113–131.

⁷ Fernández De Córdova Miralles Á. Op. cit. P. 37–58.

или даже на деревянной скамье, на которой все рассаживались в соответствии с иерархией. На некоторых миниатюрах изображены дворяне, сидящие на полу рядом с тронем. Интересны изображения короля на более высоком троне, чем королева.

Мантию короли использовали не так часто. Пурпурные мантии, украшенные драгоценными камнями, имеют позднеримское происхождение, часто они связаны с Церковью, поэтому не обрели популярность у королей. Лишь с приобретением статуса императора монархи стали возвращать мантии: в XIII в. алые с золотом ткани стали обозначать принадлежность к королевской семье.

Во второй трети XII в., когда распространился ритуал самокоронации, одним из важнейших символов королевской власти стал меч, обозначающий защитника, рыцаря, вершителя справедливого правосудия.

Можно отметить такие нетипичные идентификационные символы королевской власти, как шумовой эффект, сопровождающий появление короля на публике, и наличие экзотических животных. Шум (барабаны, литавры, трубы, колокола, другие инструменты) можно рассматривать как знак силы, возвещающий о королевском присутствии и вызывающий звуковое воздействие на акустическое пространство вокруг него. Дикие экзотические животные представляли собой впечатляющие признаки власти, которая вышла за пределы обыденного реального мира и вошла в трансцендентный мир «чудесного», опасного и одновременно увлекательного. Благодаря своему древнему геральдическому значению лев был любимым животным кастильской и арагонской королевских семей, которые выделяли большие суммы денег на содержание и возможность выставить животных в торжественных случаях. Помимо львов короли содержали медведей, быков, леопардов, слонов, зебр.

В целом испанские символы королевской власти не значительно отличаются от европейских. В той или иной степени оригинальным будет их толкование. Например, для более глубокого понимания символики следует отметить глубокую связь средневековой испанской королевской власти с постимперской римской традицией, обновленной в христианском ключе вестготской монархией (реннегерманского происхождения). Вестготское прошлое вызывало ностальгию по утраченным пространствам (в том числе политическим) в результате арабского завоевания полуострова. Римское наследие (Испания была одной из наиболее значимых римских провинций, из которой происходили несколько известных императоров) вызывало имперские амбиции до формирования классической империи Нового времени. Значительное влияние на появление или заимствование политических ритуалов и транслируемых имперских символов оказала Византия. Во многом содержание королевской власти было близким власти Каролингов и Оттонов. Во всяком случае власть испанского короля приближалась к этим европейским образцам.

Одним из отличий можно считать стремление испанских монархов к полному суверенитету в отношениях с Римом, что повлекло за собой отказ от некоторых традиционных для других крупных европейских монархов ритуальных практик, тесно связанных с церковной властью, таких как помазание. Нередко в изображении процесса коронации большое значение имеют рыцарские практики и символы, например меч, конь, самокоронация (отсутствие священнослужителей любого ранга и ритуала помазания, хотя некоторые историки отмечают, что первая процедура помазания могла быть проведена именно в вестготском королевстве — то есть в будущих Испании или Франции, откуда распространилась в остальных странах⁸). Самокоронация, как замечают историки была уникальной церемонией для средневековой Европы, не говоря уже мировой истории, пока Наполеон не короновал себя в качестве императора⁹.

Это не исключало главенствующую идею о божественном источнике власти: политическая философия обозначает общество как единое целое, созданное Богом,

⁸ Valverde Castro M. *del R. Simbología del poder en la monarquía visigoda* // *Studia historica. Historia antigua*. 1991. № 9. P. 139–148.

⁹ Aurell J. *The self-coronations of Iberian kings a crooked line* // *Imago temporis. Medium Aevum*. 2014. № 8. P. 151–175.

который делегирует власть своему представителю — королю. И если, как правило, король в Испании именуется викарием (наместником) Бога на земле, то на Третьем Толедском Соборе прозвучала даже идея о том, что король — это апостол Христа¹⁰. Политически это означало фактическое главенство короля в Церкви на территории полуострова, что давало ему особые привилегии. Они не оспаривались Римом, поскольку в тот период времени Испания служила форпостом борьбы между христианской и мусульманской цивилизации, и государству были готовы предоставить преференции, несопоставимые с привилегиями других европейских государей. Значимым титулом с точки зрения божественного происхождения власти было наименование испанского короля «христианнейшим государем», чье главное стремление — использовать свою власть как средство для дальнейшего возвышения христианской религии. Это предполагает продолжение в виде образа добродетельного короля, то есть монарха, основным качеством которого является обладание основными христианскими добродетелями, что является фундаментальным компонентом любой идеальной модели власти для рассматриваемой эпохи. В дальнейшем складывается образ короля-судьи, призванный подчеркнуть тесную взаимосвязь между королевской справедливостью и божественной справедливостью. Религиозная символика стала фундаментальным средством политической коммуникации, символической репрезентации власти и пропаганды.

Некоторые авторы ставят вопрос о значении исламских символов и практик в ходе репрезентации королевской власти в Испании. Трудно предположить, что многовековое соседство с мусульманскими правителями не повлияло на формирование образа власти. Это церемониал, пышное убранство королевского церемониального пространства, в частности трона, использование шелка в королевских одеждах, целование рук в знак уважения к государю. Возможно, что всё это было связано и с византийским имперским церемониалом и было необходимо для того, чтобы выделить испанских королей с вестготскими корнями из мира варваров, придать им новый статус среди правителей политически формирующейся Европы, показать, что король вестготов не имеет ничего общего с германским вождем воинов, избранным сообществом для руководства и защиты своего народа как первый среди равных.

В завершение можно отметить, что одним из мощных эффектов символического образа, идентифицирующего королевскую власть посредством изображений, является то, что он лишен недостатков, присущих конкретному человеку, находящемуся у власти, превращая ее в безупречную, стереотипную, трансцендентную идею¹¹. Этот эффект усиливается из-за отсутствия у большинства подданных непосредственного представления о короле. Сопутствующие символы позволяют возвести этот образ на еще более недостижимую высоту.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бойцов М. А.* Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. — М.: Российская политическая энциклопедия (Росспэн), 2009. — 550 с.
2. *Исаев И. А.* Господство: Очерки политической философии. — М.: Норма, 2008. — 352 с.
3. *Канторович Э. Х.* Два тела короля: исследование по средневековой политической теологии. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. — 744 с.
4. *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. — М.: Академический Проект, 2008. — 695 с.
5. *Тогоева О.* Корона как небесный дар. Жанна, Дофин и Ангел // На языке даров: пра-вила символической коммуникации в Европе. 1000–1700 гг. / отв. ред. Г. Альтхоф и М. А. Бойцов. — М.: Политическая энциклопедия, 2016. — С. 113–131.

¹⁰ *Valverde Castro M. del R.* Op. cit.

¹¹ *Nieto Soria J. M.* Imágenes religiosas del rey y del poder real en la Castilla del siglo XIII // *España Medieval*. 1986. Tomo V. № 9. P. 709–730.

6. Aurell J. The self-coronations of Iberian kings a crooked line // *Imago temporis. Medium Aevum*. — 2014. — № 8. — P. 151–175.
7. Fernández De Córdoba Miralles Á. Los símbolos del poder real // En Bartolomé, Alberto y Hernando, Carlos José. *Los Reyes Católicos y Granada*. — Granada : Sociedad Estatal de Conmemoraciones Culturales, 2005. — P. 37–58.
8. Nieto Soria J. M. Imágenes religiosas del rey y del poder real en la Castilla del siglo XIII // *España Medieval*. — 1986. — T. V. — № 9. — P. 709–730.
9. Valverde Castro M. del R. Simbología del poder en la monarquía visigoda // *Studia historica. Historia antigua*. — 1991. — № 9. — P. 139–148.

REFERENCES

1. Aurell J. The self-coronations of Iberian kings a crooked line. *Imago temporis. Medium Aevum*. 2014;8:151-175
2. Boytsov MA. Velichie i smirenje. Ocherki politicheskogo simbolizma v srednevekovoy Evrope [Grandeur and Humility: Essays on Political Symbolism in Medieval Europe]. Moscow: Russian Political Encyclopedia (Rosspen); 2009. (In Russ.).
3. Fernández De Córdoba Miralles Á. Los símbolos del poder real. En Bartolomé, Alberto y Hernando, Carlos José. *Los Reyes Católicos y Granada*. Granada: Sociedad Estatal de Conmemoraciones Culturales, 2005.
4. Isaev I. A. Gospodstvo: Ocherki politicheskoy filosofii [Dominion: Essays in Political Philosophy]. Moscow: Norma Publ.; 2008. (In Russ.).
5. Kantarovich EH. Dva tela korolya: issledovanie po srednevekovoy politicheskoy teologii [The King's Two Bodies: A Study in Medieval Political Theology]. Moscow: Gaidar Institute Press; 2015. (In Russ.).
6. Nieto Soria J. M. Imágenes religiosas del rey y del poder real en la Castilla del siglo XIII. *España Medieval*. 1986,V(9):709-730.
7. Riker P. Konflikt interpretatsiy. Ocherki o germenevtike [The Conflict of Interpretations: Essays on Hermeneutics]. Moscow: Akademicheskii Proekt; 2008. (In Russ.).
8. Togoeva O. The Crown as a Heavenly Gift: Joan, the Dauphin, and the Angel. In: Althof G. and Boytsov MA (eds.). *In the Language of Gifts: Rules of Symbolic Communication in Europe, 1000–1700*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2016. P. 113-13. (In Russ.).
9. Valverde Castro M. del R. Simbología del poder en la monarquía visigoda. *Studia historica. Historia antigua*. 1991;9:139-148.